

Андрей
МАКАРОВ

г. Москва

НА МОСКВЕ-РЕКЕ

рассказ

Пар поднимался от тёмной речной воды, словно от кипятка в кастрюле. «Вот и надо было кипятильник брать, а не удочку, — цокнул языком Пётр. — Накрошил бы прямо в заводь морковки, кинул бы туда пару луковиц и десяток картошин, и получилась бы у меня уха без всех этих заморочек с крючками и червяками. А то второй час уже пошёл, и ни одной поклёвки. Вымерла тут, что ли, вся рыба? Или к морю в отпуск подалась?»

Сперва казалось, что рыбалка окажется плёвым делом. К найденному в сарае старому, ещё отцовскому бамбуковому удилищу была прикреплена специально купленная современная блестящая катушка с тонкой зеленоватой фирменной леской. Её Пётр оснастил ярким красно-жёлтым поплавком, грузилом-дробинкой и матовым чёрным стальным крючком из пластиковой коробочки. Крючок выглядел особенно убедительно — на такой должны были без капризов ловиться любые рыбки пригородных речушек. В том же магазинчике, где приобреталась снасть, ему продали и наживку: толстых, вальняжных червей нежно-розового цвета. Черви шевелились, извивались в полупрозрачном контейнере и казались настоящим деликатесом для любой рыбки. Наживил, закинул и успевай только вытаскивать.

Однако реальность разочаровывала. Яркий поплавок скользил по ровной глади, обнадёживающе кивал, слегка дёргался, иногда приседал. Казалось, вот-вот — и начнётся активный клёв или даже жор, как именуют это бывалые обветренные, опытные рыбаки. Но настоящих поклёвок не было. Пётр несколько раз вынимал наживку из воды и менял червяков — похудевших, поблекших и обглоданных незначительной рыбьей мелюзгой, червей... Вспомнилась с детства набившая оскомину поговорка: без труда не вытащишь и рыбку из пруда. И какого вам ещё труда надо? Был же труд! Снасть вот куплена, проснулся ни свет ни заря, машину гнал по мокрому от росы шоссе, джинсы промочил до колена, пробираясь через высокую траву к берегу речушки... И где, скажите, награда за всё это — рыба?

Труд был. Рыбы не было.

«Плохо работает система, — пожал плечами Пётр. — Ничего у них там наверху не отлажено». Если насчёт потрудиться, так все тебя только и знают, что понукать. И семья, и коллеги, и начальство. И даже совесть тут как тут под ручку с воспитанием. Давай-давай! Вкальвай! А то рыбки не будет!

А что взамен? Двухкомнатная квартира в многоэтажном доме на окраине Москвы, взятая десять лет назад в ипотеку? Ещё оранжевый «Ниссан», приобретённый недавно по особой цене из-за «неожиданного» цвета, привлекавшего к машине и к ее хозяину ненужное внимание. Опять же должность начальника отдела отопительных приборов в крупной оптовой компании? «Утопительные приборы», — хмыкнул Пётр, глядя на тёмную непрозрачную воду. Семья, а в нагрузку, как обычно, тёща с тестем. Сын. Да вот разве что сын...

— ...Пап, ты поймаешь мне завтра луну? — спросил его с надеждой Пашка накануне перед сном, уже лёжа в постели.

— Луну?! — удивлённо вскинул брови Пётр.

— Ну да. Когда она отражается в воде, её ведь можно поймать. Разве ты не знал?

— Нет, не знал, — мягко улыбнулся Пётр, поправляя сыну одеяло, и пояснил: — Луну нельзя поймать. Она слишком большая. И ловится только в ведро. А у меня — удочка. Так что разве что во сне. Спи давай. Авось сам выловишь.

— Ну, а рыбу поймаешь?

— Обязательно! Спи.

— Золотую?

— Серебряную!

— Тогда с красными плавниками!

— Хорошо. Спи. Поймаю. Завтра утром.

...Утро пахло травянистой свежестью, речной тиной и влажными ароматами полевых цветов. Каких — этого Пётр не знал, а может, и знал когда-то, но теперь забыл. Названия не сходились с образами. Донник, тысячелистник, черноголовка, чертополох... Чёрт его знает, как они выглядят. Напридумывали предки! Было же им дело до каждой мелкой былинки — распознать, назвать, применение найти... Мы уже другие. Для нас трава она и есть трава. Бурьян луговой.

И вообще, зачем я здесь, скажите на милость? Чего ради вылез из-под тёплого одеяла и понёсся невесть куда, неизвестно зачем? Мне что, рыбы на базаре не продадут? А ведь поехал, да ещё с какой радостью! Словно во времена СССР отправился «за туманом». Как будто не знал циничного продолжения старой романтической песенки: «А я еду, а я еду за деньгами — / За туманом ездят только дураки».

Мысли как неуловимые рыбы: плещутся, резвятся в голове, но стоит их попытаться поймать — как они исчезают, растворяются в глубине... Наживки у нас на них нет. Крючки затупились. Нет, мысли — это не рыбки, а просто круги на воде времени. И неправда, что время уходит. Уходим мы. От сонно поблескивающей вечной воды. То ли в будущее уходим, то ли в прошлое. Кончается время — мы упускаем шанс и возвращаемся туда, откуда пришли. В туман, в плену, в небытие. От усталости, от тоски, от безнадёги — под любым надуманным предлогом... Главное — в туман.

Пётр вышел из него на берег час назад. Из мокрого бесцветного пульсирующего пространства, где и дышать-то было трудно, найдя проход через высокую тесную траву. Вышел к воде — и сразу захотелось крикнуть, обозначить как-то своё присутствие, застолбить победу над первой частью пути. Но вместо этого он лишь разложил принесённое снаряжение, насадил первого червяка и принялся ждать...

Прошло лет тридцать после детства. И тридцать лет с того дня, когда он в последний раз удил рыбу. Тогда вечно занятой отец всё-таки взял его, восьмилетнего, с собой на рыбалку, и они вместе пробрались по тропе, ведущей к скрытой в тумане речке. Детская память бережно сохранила горьковатый запах ивовой коры и переплеск непойманной рыбы. Там, в прошлом, высоко в небе над головой тонула в утренней синеве бледная полупрозрачная луна, а под далёкое кукование кукушки одна за другой медленно гасли теряющие ночной накал звёзды.

Кстати, как там луна? Пётр поднял голову. Луна была на месте — та самая, полупрозрачная и равнодушная к переживаниям глядящего на неё с берега реки на далёкой Земле человека. И звёзды гасли в наступающем свете дня, как угасают в человеке детские воспомина-

ния, отступая перед напором ежедневных эмоций и впечатлений. Как мы радуемся, обретая эти впечатления! Как гордимся ими! И как внезапно чувствуем потом пустоту в своём переполненном яркими блёстками сознании, где ройся не ройся, а детства уже не найти. Звёзды, звёзды — чешуя Мироздания. Как радостно смотреть на ваш блеск в детстве, как много вы обещаете! Какими сухими и колкими становитесь вы позже...

«Странно, — подумал Пётр, — что мы так легко соглашаемся с предписанной нам судьбой. Выдумываем Книгу, куда кто-то свыше записывает наше будущее. Мечтаем заглянуть туда, подготовиться, не прогадать. А ведь достаточно просто пройти по туманной дороге к реке, внимательно глядя на медленно разворачивающееся с каждым шагом белесое полотно, похожее на китайский шёлковый свиток с рисунками. Вот одинокое дерево, согнувшееся нелепо. Чем не символ судьбы, оставленной тебе в наследство предками? Вот ржавый кустарник рядом — твоя собственная хилая попытка вырастить что-то иное, особенное. И венец усилий — старое кострище и прогоревший мангал: всё, что остаётся от наших тщетных стараний согреть пространство и создать в нём больше тепла, сытости и света. И тени, тени кругом. Расплывчатые, неясные, никуда не зовущие. Хочешь — белая лошадь с ёжиком, хочешь — бледная влажная русалка, пахнущая тиной и прибрежным багульником. Направо пойдёшь — коня потеряешь. Налево пойдёшь — будет как обычно. И ты идёшь по протоптанной кем-то тропке, потому что ни одно другое направление ничего, кроме новых разочарований, не обещает. Пусть уж остаются старые разочарования. Мы к ним привыкли».

Поплавок по-прежнему чуть покачивался на мелкой ряби. Пётр достал из рюкзака пустой трехлитровый баллон и наполнил его на три четверти речной водой. Авось всё-таки будет улов — тогда запустим сюда самую симпатичную рыбку, чтобы получился аквариум. Это для сына. А ту, что покрупнее, — в пакет. Пойдёт на уху или на жарку. Хорошо еще, что телефон не звонит. Зудение мелкого жадного комара вдруг нарушило утреннюю тишину. Кровосос прилетел и нагло уселся прямо на лоб

человеку с удочкой. Шалишь! Тут все в нашей власти! Хлоп! — и «абонент недоступен».

Утренняя дымка уже рассеивалась. Над кустами по ту сторону реки сперва зарозовело, но почти сразу поверх листвы показалось умытое росой яркое солнце. Заиграла бликами вода, защебетали птицы, втянулся под корни старой ветлы утративший свою волшебную силу туман. Мир просыпался, и природа запускала свой утренний порядок событий, не зависящий от человека, пришедшего на берег.

Вот пробежала по воде деловая водомерка. Замерла на секунду у поплавка, словно дворняжка у столбика — Пётр поймал себя на том, что не удивился бы, если бы насекомое задрало вдруг заднюю лапку. Затем невесть откуда приплыли в бочаг два молодых селезня. Головы их отливали изумрудом, выпуклые глаза блестели. Птицы не боялись, то и дело близко подплывали к берегу, покрякивали. Еду, что ли, выпрашивают? Тоже мне дикая природа. Обнаглела не хуже городской фауны. Или у городской и нахваталась повадок. Всем халяву подавай. Может, исхитриться да накинуть одному леску петлей на шею, как лассо? Утиное родео. Если не улов, так хоть утку своим принесу. Хотя чего ради птицу губить? Самолюбие свое потешить? Дескать, глядите, какой я добытчик? Нет, не стоит оно того.

«Кыш! — шёпотом погнался селезней Пётр. — Нету сегодня раздачи. Нечего мне рыбу пугать».

Где-то вдалеке, за излучиной реки, раздались два глухих хлопка. В чистое небо над кронами деревьев взметнулось несколько тёмных птичьих силуэтов. Залилась восторженным лаем собака. А вот это уже всерьёз — это уже кто-то на промысел вышел. Селезни засуетились, поплыли подальше от берега на стремнину. Что, страшно? Искавший халяву сам халявой станет. Спасайтесь, пока можете. Человек — животное опасное. Одной рукой кормит, другой может и шею свернуть.

Пётр вытащил наживку из воды — червяк остался нетронутым. Чертыхнулся, посмотрел на сияющее с востока солнце, потом на часы, — шёл уже седьмой час, будильник на смартфоне еще не протрубил. Решил сменить место, пройти немного дальше вниз по реке.

Место нашлось шагах в пятидесяти, в за-

тишь между двух нависших над водой ветвистых ив. Тут Пётр и забросил снова удочку — прямо со склона обрыва.

Сверху он видел, как у чёрных коряг на мелководье в течении стайками стоит мелкая рыбёшка. Не суетится... Это люди всё куда-то торопятся... Прожить. Завершить. Совершить. И Пётр зачарованно смотрел на задорную игру бликов то на рыбьей чешуе, то на поверхности воды, чувствуя, как вводит его в транс забытый свет детства и покоя.

Лёгкий прохладный ветерок пролетел вдоль реки, качнув ветки деревьев. Крошечная зелёная гусеница не удержалась, свалилась откуда-то сверху на руку, держащую удилище, и уцепилась за волоски на коже. Пётр поднес к ней палец, и она, повинувшись инстинкту, тут же привстала вертикально, замерев и уподобившись мелкой травинке. Надо же! Три миллиметра, а ведь сколько там всего запрограммировано! И как разумно! Упала бы в траву — ни за что бы её не заметить. Что-что, а прятаться природа учит ещё до рождения. Если разобраться, то все мы немножко гусеницы: все похожи на то, чем питаемся, на ту среду, где обитаем. Кошки на мышек, червяки на корни травы, гусеницы на ветки и листья, а человек?... Что ж, человек бывает похож и на барана, и на быка, и на собаку... Всё закономерно, всё движется своим чередом — пока судьба не вмешается. Вот и гусеница эта — обглодала бы десяток веток, а потом бы в бабочку превратилась. Но наткнулась на волосатую руку судьбы, и не тут-то было.

Пётр лёгким шелчком сбросил гусеничку в реку. Кружок на воде. Одна рыбешка из стайки сорвалась с места, резво поднялась к поверхности и ловко схватила упавшую козявку. Мгновение — и жизнь потекла иначе, не будет бабочки. И грянет гром... Петр усмехнулся: «Начнётся теперь калейдоскоп президентов на планете. К счастью, таких тонких детекторов, чтоб моё влияние отследить, пока не придумано, а то бы мне ФБР вместе с ФСБ приехало рыбу распугивать».

Вспомнилось, как недавно на работе вечно недовольная всем помощница шефа вдруг расцвела и сделалась очаровательно-любезной. «Неспроста!» — решили одни. «Не к доб-

ру!» — напряглись другие. Офисная гусеница на глазах превращалась в бабочку: у неё появились вдруг дорогие туфли, дорогой костюм от серьёзного бренда, дорогая салонная причёска, начальственные нотки в писклявом голосе. И вдруг... чья-то волосатая рука стряхнула козявку обратно в тёмный поток жизни. В один дождливый день девушка неожиданно пришла на работу в своём старом облике, написала заявление об уходе и, не сказав никому ни слова на прощание, исчезла. Даже кругов не пошло по воде. «Надоела она ему, дура», — подытожили выдавшие виды тётки в бухгалтерии. И всё.

«Да. Надоела, — думал Пётр. — Все мы когда-то кому-то надоедаем. И хорошо, если сила волосатой руки недостаточна, чтобы скинуть нас в омут. А если достаточна? Сколько случайностей сложилось в судьбе одной гусеницы? Мое желание поехать на рыбалку, отсутствие клёва на одном месте и мой переход сюда под дерево, изменение давления, вызвавшее порыв ветра, траектория полёта... И всё это время, вплоть до самого падения, козявка ползла и жевала, жевала и ползла. И уж, наверное, была совершенно уверена, что всё так и будет, как ей природой положено...»

Что ж, случайность — великая вещь, — перек в пресной баланде закономерностей, ключик для золотой дверцы, спрятанной за нарисованным очагом. И никакого Буратино не надо. Сходил на танцы — и тебе уже играют марш Мендельсона. Купил машину — обогатил мента. Убил бобра — спас дерево. Никогда не угадаешь, куда кривая вывезет, хотя, казалось бы, дорога размечена — дави на газ... Одна только рыба — пропади она пропадом! — упорно не ловится, не дается. А день-то будет жаркий. Вон как солнышко раскочегарилось.

Пётр смахнул ладонью выступившие на лбу мелкие капельки пота, аккуратно, не вынимая наживки из воды, положил удилище на траву, снял ветровку и остался в футболке. Достал из рюкзака бутылку с питьевой водой и сделал из неё несколько небольших глотков. Узкий пожелтевший лист ветлы упал в воду и медленно поплыл вкруговую, будто секундная стрелка. Пётр проводил его глазами. Время течёт в природе, как течёт эта река, а в человеке стоит тос-

ка, и хочется какой угодно случайности — пусть даже фатальной — лишь бы изменить predetermined раз и навсегда порядок вещей...

Надо сменить червя. Опять, небось, объели.

Он поднял удилище и выдернул удочку из воды. Леска неожиданно ответила лёгким упругим сопротивлением, и на крючке, крепко зацепившись губой, повис серебристый полосатый окунёк. Пётр оторопел. Добыча идёт в руки без нашего участия — по собственному желанию. Что это? То ли начало клёва и предвкушение ухи, то ли утешительный приз за терпение — «Game over».

Ладно, на всё есть промысел Божий. Во всяком случае, одна миссия точно удалась — сыну рыбку он принесёт. Пусть маленькую, пусть одну, но избранную. То ли символ исполнения желаний, то ли жертву... ради удовлетворения каприза. Чего заморачиваться — пусть сам определится. Главное: папа сказал, папа сделал.

Он бережно снял окунька с крючка и запустил его в баллон с водой. Рыбка возбуждённо заплескалась внутри, но вскоре успокоилась, словно смиряясь со своей участью. Пётр накрыл баллон ветровкой, нацепил свежего червя на крючок и снова сделал заброс.

Вдруг кто-то справа от него прошуршал в густых зарослях, небрежно прошаркал по жухлой траве и тяжёлой поступью сошёл к реке, как раз на тот выступ, где он начинал сегодня рыбачить. Через некоторое время там раздалось громкое «ап-чхи!», пришедший шумно высморкался, и Петр увидел, как в воду почти на середине речки шлепнулся, встав вертикально, длинный ярко-красный поплавок.

Неприятно. Да-да, именно это он вдруг ощутил, почти зримо увидев, как рвётся неторопливая нить размышлений, раскатывая и теряя бусины хороших мыслей и аналогий. Чужая реальность. Она не пересекается с тобой, но само её присутствие уже напрягает. «Мы напрягаем, нас напрягают...» Одна радость — вот уж это совпадает почти всегда.

Покачав головой и нахмурившись, он вытащил из воды удочку, прошёл с вещами дальше вдоль речки и остановился на более пологом спуске. Сверху, со склона сюда было протоптано несколько узких тропок, на вязкой глине

виднелись следы босых ног, а у старого бревна в измятой траве блестели болотной зеленью стёкла пустых пивных бутылок. Чуть поодаль чернело кострище. Любимый народом суффикс «ищ». Урочище и стойбище, плавно переходящее в лежбище. Не зарастёт народная тропа. А если одна зарастёт, так новую протопчем. Нет, утро уже испорчено.

— Утро доброе, — раздался голос откуда-то сверху.

Пётр поднял глаза.

Молодой коренастый парень, стоя на краю невысокого откоса, махнул ему приветственно рукой и ловко сбежал вниз к воде.

— Рыбачите? Клюет?! — бодро спросил он, кладя небольшое махровое полотенце на бревно и вытирая ладонью испарину на гладко выбритой голове.

— Да не, не сезон, видно... Жарко.

— Искупись здесь? Я мигом, — не дожидаясь ответа, бритоголовый быстро разделся до гола, сложил рядом с полотенцем одежду, снял с себя и бросил на неё сверху серебряный нательный крестик на плетёном шнурке, с хрустом потянулся, расправил мускулистые плечи и вразвалку вошёл в воду. Несколько раз занырнул, отфыркиваясь, и вскоре выбрался обратно на берег.

— Уф, холодная какая! Бодрит! — воскликнул парень и стал проворно обтираться полотенцем. — Я перед работой летом каждое утро по пути окунаюсь. Тут ключи со дна бьют. Заряд энергии на день.

— Далеко работаете? — поинтересовался Пётр.

— В Москве. В центре.

— А живёте где?

— Здесь, недалеко. Под Звенигородом.

— И каждый день так мотаетесь?

— В будни час-полтора туда и столько же обратно. Но это если повезёт. Можно и надолго застрять. Потому с утра пораньше выезжаю — если позже, то пробки будут.

— А что, поближе работы не нашлось?

— Подходящей нет. Вся жизнь в Москве. Там, где деньги, — вздохнул парень и взял с одежды потускневший крестик.

— А крестик зачем снимаете?

— Крестик? — переспросил крепыш и ух-

мельнул: — Привычка. Шнурок намочить не хочу. Шею потом натрёт.

Издали донёся призывный мелодичный звон колокола. Петр обернулся, прищурился и разглядел вдалеке над кронами деревьев вытянутые силуэты куполов с крестами. В звонких оглушающих лучах встающего солнца их позолота казалась тёмной и зыбкой, почти призрачной. Тщета. Попытка задержать на земле частичку Божественного Света. «Купола в России кроют чистым золотом...» Хорошо, что традиция сохранилась, хотя кое-где теперь в ходу имитация. Нитрид титана. Он тускнеет довольно быстро. А вот золото выдерживает дольше, и помеха ему — одни лишь вороны, которые купола используют на манер детской горки: катаются по их покатым поверхностям, сдирая когтями покрытие.

А вообще, понятно, почему именно золотом наши предки стали купола крыть: этот металл единственный, который отражает девяносто процентов света. Все остальные приглушают сияние. Лучше уж тогда краска — она честнее.

— К заутрене звонят, — произнёс гладкий череп, поспешно надевая крестик на жилистую шею. Вены, словно извилистые древесные корни, отчётливо проступали на ней. — Семь часов уже. Пора. А то в пробку попаду, опоздаю на работу, премии лишат.

— Бог в помощь, — Пётр ответил автоматически, рефлекторно. Зачем сказал? Что имел в виду? Какая такая особенная помощь нужна парню, назубок знающему расписание дорожного движения по своей ежедневной трассе? Или мы так программируем ближнего — надеемся уберечь его от встречного пьяного лихача? Атеисты уверены, что всё это чепуха. Правда, в момент столкновения мало кто из них кричит: «Бога нет!..» Всё больше: «О Господи!..»

Окунёк резко плеснулся в баллоне и снова затих.

— И вам удачи! — услышал Пётр дежурное пожелание уходящего, оглянулся и проследил, как блистающий на солнце череп исчезает за краем обрыва. «Купола в России кроют...» Иной раз и золото необязательно.

Некоторое время он задумчиво смотрел на гипнотическую пляску бликов у поплавок. Почему-то в голове отчётливо прозвучал звонкий

детский смех. Хотя... солнечные блики и детский смех — сочетание, созданное самой жизнью. Правильное сочетание. Время обманывает людей — человеку кажется, что ему всегда будет столько лет, сколько сейчас. И в детстве, и в юности, и в зрелости, и в старости. Но это неправда. Всего лишь цепочка, на которую мы хотим посадить сперва радость, потом энергию, потом силу и наконец мудрость. Но цепочка рвётся, и лишь под гипнозом природы возвращаются к нам её утраченные звенья. Неудолго. Потом всё равно наступает реальность. А за ней — неизвестность. Тёмная и пугающая.

Желание продолжать рыбалку пропало. Да и бессмысленно это, наверно. Вон как жарко. Рыба, поди, в прохладе запряталась — под коряги да в омуты. Плевать ей на червяков.

«Сейчас бы искупнуться», — подумал Пётр, но не решился. Он смотал леску, разобрал удочку, взял вещи, баллон с рыбкой и направился прежним путём обратно к машине.

Рыбак, давеча занявший его место у заводи, оказался дородным массивным мужиком в зелёной шляпе-зюйдвестке. Он сидел на раскладном походном стульчике с длиннющей удочкой, опиравшейся на воткнутую в глинистый берег деревянную рогульку. Кроме шляпы, на рыбаке были узкие чёрные плавки-слипы и расстегнутая до пупа камуфляжная рубашка с закатанными по локоть рукавами. Мужик сосредоточенно наблюдал за ярко-красным поплавком, уплывавшим за пределы бочага в течение, и периодически возвращал его обратно, потихоньку покручивая катушку.

— День добрый, — поздоровался Пётр с незнакомцем.

Тот приподнял рукой край шляпы, открывая слегка одутловатое потное лицо с красноватыми пятнами на щеках, оценивающе взглянул из-под выцветших бровей на Петра крупными серыми глазами и вместо приветствия не слишком приветливо буркнул:

— Спасибо.

— Ключёт хоть? — помедлив, поинтересовался осторожно Пётр.

— Есть немного, — толстяк не отрывал глаз от поплавок. Его огромный, похожий на упругий резиновый мяч для фитнеса, живот выпирал, блистал проступившей на солнце влагой,

был гладок и безволос в отличие от широко расставленных тощих ног, покрытых светлой порослью. Чёрные кожаные сандалии на ногах упирались в ивовые корни. По левую руку от рыбака на земле стоял стальной литровый термос и лежал небольшой раскрытый пакет. Внушительный рюкзак полинялого зелено-рыжего окраса был брошен позади стульчика. Вся нехитрая экипировка казалась основательно затёртой и потрёпанной.

Пётр снисходительно посмотрел на ярко-красный «совковый» поплавок. А тот вдруг воровато вздрогнул, пошёл в сторону и лёг набок. Толстяк подскёк, начал быстро крутить катушку и вскоре поднял удилище. На крючке болталась маленькая блестящая рыбёшка длиной меньше ладони. Пузатый поймал леску, снял добычу с крючка и привычным движением, не рассматривая, спустил её в реку у правой ноги. «О как! Однако!.. — подумал Пётр. — Мелочь не берет, обратно отпускает».

Толстый поправил наживку, взмахнул удилищем и проворно забросил леску обратно в реку. Поплавок опять выплыл из заводи, пошёл по течению и снова дёрнулся, присел раз, другой, а потом полностью ушёл под воду. Леска напряжённо натянулась. Мужик привстал со стульчика, немного стравил натяжение, затем начал аккуратно крутить катушку, вываживая добычу. Вскоре он достал рукой из воды, просунув пальцы под жабры, крупную серебристо-зеленоватую рыбку, снял её с крючка и спустил снова в реку — но на этот раз уже у левой ноги. Присмотревшись, Петр заметил, что там в воде утоплен почти невидимый сверху сетчатый садок, уже почти полный различной рыбы.

— Хороша добыча! — не удержался Пётр. — Как называется?

— Голавль! — самодовольно прогудел здоровяк, оттопыривая толстую нижнюю губу. — Сегодня первый. В основном-то плотва, окуньки, подлещики...

Сунув левую руку в лежащий на земле мешочек, мужик достал из него какую-то мелкую прикормку и небрежно метнул горсть в воду.

— На что ловите?

— На опарыша сёдня. От плоти к плоти, так сказать.

— А прикармливаете чем?

— Печенье сладкое покрошил.

— Я смотрю, мелочь не берёте?

— Смотря какую. Мелочь мелочи рознь. Что покрупнее — на сковороду или на уху, что помельче и не сильно костлявое — засолим-засушим. К пивку на закусь.

— А у меня что-то не клевало. За всё утро только окунька словил, и вся добыча.

— А чего наживлял? — спросил толстый.

— Червя.

— А ну, дай глянуть.

Пётр достал жестянку с червями из рюкзака и, оставив вещи с удочкой наверху, спустился на выступ. Открыл её и протянул толстяку. Тот, не вставая со стула, взглянул.

— Э-э! — скривился он. — Это ж покупные черви. Розовые. Такие разве что на прикормку. Если удить, то обычные нужны. Ярко-красные. Кровавые.

— Да-а?.. — усомнился Пётр. — Не знал. В детстве вроде и на таких ловили.

— Ну, то ж в детстве. И рыбы больше было, и смысл другой. Пескаря паршивого поймал — целый день счастлив. — Толстяк ухмыльнулся и кивнул на жестянку с червями. — Ты домой? Червяки-то теперь без надобности? Оставь мне, я на прикормку покромсаю. Чего добру зазря пропадать.

— Берите, — равнодушно пожал плечами Пётр. — А у вас что за опарыши?

— Да обычные, в рыбацких магазинах всегда есть, — мужик вытащил из пакета с прикормом небольшую круглую пластмассовую коробочку и снял с неё крышку — среди мелких опилок копошились жирные мучнисто-белые тельца.

— Вот и я червяков в магазине брал. Думал, на таких толстых любая рыба позарится.

— Не. С такими только на платные пруды ездить. И то не гарантия. Речная-то рыбёшка от них шарахается. Ещё неизвестно, кто кому добыча — то ли червяк для неё, то ли она для этого удава.

Солнце пробилось сквозь листву и осветило коробку с опарышами. Те вдруг оживились и начали активно двигаться. Несколько штук добралось до края и выпало на землю.

— Куда-куда! Ишь, разбежались! — воскликнул толстяк и, достав мясистыми пальцами

одного, быстро закрыл крышку. Выпавших опарышей он собирать не стал, а просто вдавлив сандалией в глину, присовокупив: — Нечего тут. За побег у нас строго.

Пётр вздохнул. Нет в жизни справедливости. Будь ты хоть мушиной личинкой, судьба одна: кому-то тебя на корм ещё до рождения приготовили. А за побег — в землю. И не жужжи.

Мужик спрятал футлярчик обратно в пакет и начал сосредоточенно насаживать пухлого опарыша на крючок. Видимо, подошедший собеседник ему понравился — закинув крючок в воду, он обернулся к Петру и по-свойски сообщил:

— Мне без улова никак. Жена плешь проест. От неё дома спасу нет: там приберёшь, тут подстрогай. Одной рыбалкой выживаю. А коли пустой приду, так на неделю попрёков хватит. Всего до костей обгрызёт. Чёрт меня дёрнул на пенсию выйти. Деньги никакие, халтуры нет, а вместо отдыха — топор да молоток. Хотя, — он, прищурившись, пригляделся, — ты-то молодой ищешь. Тебе об этом и думать-то рано.

Толстяк грузно повернулся на своем стульчике, вновь уставился на воду, замолчал и противно шмыгнул носом. Петр понял, что разговор окончен, завистливо взглянул на полный садок рыбы, тяжело вздохнул и отправился наверх к своим вещам. С обрыва он ещё раз оглянулся на рыбака. Тот снимал с крючка очередную добычу. «Промысловик чёртов! Голландец недоделанный», — мысль была непроизвольна, но стыда не вызвала. Везение — подлая штука. Кому попало выпадает. Особенно, если этот «кто попало» — не ты.

Солнце взобралось достаточно высоко, и воздух над порыжевшими, обожжёнными лугами плавился и дрожал. В стеблях подсохшей травы начинали стрекотать кузнечики, над головой закружили, треща блестящими крыльями, крупные стрекозы. Рядом по серой ленте шоссе одна за другой в сторону города стремительно неслись с рёвом машины. Спешат. На работу. Вечером поедут обратно.

Пётр вдруг почувствовал, что устал. Он пробирался узкой тропкой среди высокой, поднявшейся за лето зелени, а зной, не остужаемый речной прохладой, быстро накалял одежду, превращался в пот, струился солёными ручейками по спине. Из-под ног то и дело

выскакивали кузнечики. Небольшие. Медно-коричневые.

У выхода на дорогу он наклонился и поймал одного из них за крылья. Глядя, как несчастное насекомое испуганно перебирает лапками в воздухе, Пётр подумал, что и этот стрекотун, как давешняя гусеница, ищет спасения в сходстве с опалённой солнцем травой. Маскируется. Стань частью среды и обретёшь спасение. Вся наша жизнь — мимикрия. Жил бы кузнечик на пожарище, стал бы среди своих негром. Ладно, лети! Он подбросил кузнечика высоко в воздух и проводил того взглядом, чувствуя себя миссионером, открывающим слабому существу счастье свободного полёта.

Нет. Судьба. Летун порхнул было через шоссе к зарослям бурьяна на обочине, но пронёсшаяся мимо машина сбила его лобовым стеклом. Кувыркнувшись, кузнечик шлепнулся на тёмный асфальт, сделал несколько неловких прыжков в сторону спасительной обочины, но и тут ему не повезло. Следующая машина превратила бедное насекомое в мелкое пятно, неразличимое и безликое. Бойтесь, бойтесь в час полуденный выйти на дорогу, в этот час уходят ангелы поклоняться Богу.

Шоссе мёртвых. Апофеоз мимикрии. Не прикинуться частью неживого мира, а стать ей. Кто теперь поймёт, какие высокие устремления, какая надежда и отчаяние оставили след на прогретом дорожном покрытии? Да и надолго ли тот след?

Пётр подошел к своему «Ниссану», сложил в багажник удочку. Баллон с окуньком он поставил в салон в проем для ног между передним и задним пассажирскими сиденьями. Рядом с ним он впихнул рюкзак, так, чтобы импровизированный аквариум не упал от толчков по дороге.

Надо было ехать. И всё-таки Пётр замешкался. На той стороне, как раз за бурьяном, куда не смог добраться погибший кузнечик, расстилалось широкое охристо-жёлтое ржаное поле. Там было детство. Там можно было бегать среди колосьев, не сгибаясь, и стать невидимым для всего окружающего мира. Играть с друзьями в салочки и знать, что кто-то большой и добрый стоит у края и ни за что не даст ни тебе, ни твоим друзьям свалиться в

глубокий, похожий на горную пропасть овраг. Там в невероятной высоте парил коршун, который только и ждал, чтобы ему крикнули снизу: «Мы с тобой одной крови, ты и я!»

Там всё было правильно. И даже то, что, когда начнётся страда, сюда придут загорелые комбайнёры с пыльными водителями, и потечёт зерно из срезанных колосьев в зелёные кузова грузовиков. А после проснутся хлопотливые мельники, и зерно станет мукой, а мука обратится в тесто. Мягкие руки пекарей замесят его и поместят в блестящие формы. Огонь вспыхнет, вздохнут печи, и хлеб ляжет на деревянные, выскобленные до белизны столы. Нагулявшиеся, загоревшие до черноты и похудевшие от беготни мальчишки и девчонки зайдут в свои дома, и встретит каждого душистая горбушка, просоленная потом тех, кто вложил себя в её сотворение.

А потом кто-то и сам станет землёй, уходя в неё и питая ту почву, которая кормила и растила. И круг замкнётся, и жизнь не прервётся ни на секунду.

Шоссе смерти. Поле жизни. И мы где-то посередине, пока не сделан окончательный выбор. Пафос? Ну, кто скажет, что это пафос, пусть первым бросит в меня камень. Тот самый, на котором не даёт всходов зерно, даже если его держала перед этим ладонь Сеятеля.

Пётр сел за руль, включил зажигание, развернул «Ниссан» через отсутствующую осевую и направился по натянутой ленте шоссе мимо готовых к жатве золотистых квадратов и длинных прямоугольных поселковых заборов. Домой. Хотя... Нет, не домой — на дачу. В заповедник ЗОЖ на двенадцати хорошо обустроенных сотках. Навстречу ему один за другим в сторону Москвы проносились автомобили. Водители в них были сосредоточены. Столица была недалеко и властно требовала предварительной настройки.

— Пап, ты поймал? Поймал рыб? — возбуждённо закричал пятилетний Пашка, когда Пётр въехал во двор и вышел из машины.

— Поймал. Обещал же. Правда, всего лишь одну, — ответил Пётр, доставая из салона баллон с рыбёшкой и приподымая его. — Зато вон какую красивую.

— Ух ты! А кто это? — воскликнул сын, замирая от восторга.

— Окунь. Смотри, с красными плавниками. Как ты заказывал!

— Это не окунь!

— А кто?

— Это ихтиозавр! Видишь, какой полосатый! Он мой друг. Его Ваня зовут, — внезапно ошарашил Пашка и приобнял баллон с окуньком.

— И что ты будешь с этим другом делать? — вклинился с крыльца насмешливый голос бабушки. Не старая ещё, статная женщина как раз вышла на воздух покурить. Затянувшись, она снисходительно кивнула зятю:

— Чего так слабо-то, рыбак? Не клюет, что ли?

— Наживка другая нужна. Я на червей ловил, а рядом со мной мужик на опарыша — так у него полный садок рыбы, — вяло оправдался Пётр.

— Что ж с умными людьми заранее не посоветовался? Я уж об ухе размечталась! Эх ты!

— Ну... главное, не с пустыми же руками, — обронил Пётр, внёс баллон с окуньком на веранду и поставил на стол, рядом с собранными в саду созревшими яблоками, алыми, наливными. — Червяков зато искупал. Поплавок сполоснул.

Пашка уже уселся напротив баллона за стол на скамейку и, разглядывая окунька, принялся что-то ему шептать.

— Так что делать-то с ним будем? — не умолкала тёща. — Мелкая, не пожаришь даже. Костлявая еще, небось.

— Чего делать? Засолить, засушить и съесть. Выпотрошим, изнутри зубочистками распнём, подвесим на солнце — к вечеру будет готов, к пивку как раз, — деловито произнес появившийся из гаража дед, вытирая о тряпку измаранные в красном тосоле руки.

— Не дам! — громко запротестовал Пашка. — Это Ваня! Мой друг. Я его с собой в город заберу.

— Еще чего! — возмутилась Мария, супруга Петра, выходя из дома и присоединяясь к обсуждению. — Мне только окуня дома в ванне не хватает для полного счастья. Лучше уж отпустите. Вон в пруд. Пусть живет.

— Отпустить?! В пруд? — жалобно сделал бровки домиком Пашка.

— Ну или дед засушит... И съест! — поставила мама сына перед выбором.

— Тогда ладно, отпустим, — вздохнул мальчик. — Вечером сходим с папой и отпустим. А пока я с ним дружить буду.

— Юмористы! Ихтио... пф-ф!.. завроды! — тёща выпустила в воздух дымное кольцо. Хмыкнула, затушила сигарету в пепельнице из прессованного хрустала и ушла в дом.

Обсуждение было исчерпано. Разбрелись по насущным делам и все остальные. Лишь Пашка остался разговаривать с окуньком на веранде, откровенно делясь с новым другом своими секретами, мечтами и надеждами.

В гараже фоном негромко бубнило радио. Пётр прислушался. Научный голос вещал о квантовой физике и тёмной материи, из которой на девяносто пять процентов состоит Вселенная. Большая часть лекции звучала достаточно заумно даже для людей со средним техническим образованием, но одна мысль показалась интересной. «Мельчайшие частицы — кирпичики мироздания — могут находиться в нескольких местах одновременно и при этом вести себя не только как частицы, но и как волны. Правда, это их качество проявляется лишь до того момента, пока мы не начинаем за ними наблюдать. Стоит нам пожелать их измерить, как физические свойства этих частиц конкретизируются и они перестают быть универсальными. Если это не магия реальности, то что есть реальность? И что есть магия?»

«Да уж, — подумал Пётр. — Физики наконец дотумкали до того, о чём наши предки знали почти две тысячи лет тому назад. А то и поболее того. Сказано же в Писании: Бог разрешил Адаму давать всему существу имена. И с того момента мир обрёл определённую, а Адам получил власть над ним. Вот только никто не обещал первому человеку, что он нашёл самый лучший вариант из всех возможных. И уж тем более, что этот вариант — единственный. И, кстати, никто не обещал, что каждый следующий человек не сможет творить свою собственную реальность. Правда, и в этом случае — только до тех пор, пока его самого не назовут, не измерят, не запишут в какую-то клетку какой-то графы чужого мира. Тогда — прощай, магия».

После обеда стало парить, а затем послышались далёкие громовые раскаты. Подул ветер, резкий, порывистый. Закачались островерхие могучие ели, затрепетали листвою берёзы, заскрипели, застонали в саду яблони, изрядно увешанные тяжёлыми плодами.

Пётр как раз стоял один на веранде и доедал спелое яблоко, взятое со стола. Оно было сочным, с небольшой кислинкой. В этот момент, словно чернила, пролитые на белый лист, огромная чёрная туча поднялась на западе и закрыла собой солнце. Через несколько секунд потемнело так, будто наступили глубокие сумерки. На веранде посвежело. Затем послышался легкий, с каждой секундой нарастающий шелест. И — грянуло! Яркая вспышка молнии насквозь прорезала тучу. Шарахнул и раскатился гром. Ветер на мгновение притих, потом забушевал с новой силой, швырнул в лицо Петру мелкие брызги. И хлынула вода с небес, словно из опрокинутой чаши. Тьма, пришедшая с запада, накрыла лес и поселок. «Исчезло Гадюкино, — улыбнулся Пётр. — Слово и не было его на свете».

Окунька на столе вдруг охватило беспокойство. Он заметался в баллоне, будто пытался соединиться с потоками обильно стекавшей с крыши воды. А ливень сердито хлестал, стучал по крыше отрядом промокших дятлов, штурмовал веранду, обдавая разбившимися в мелкие кванты каплями всё внутри неё — Петра, стол со скамейками, красные яблоки, баллон с окунем.

Опять сверкнуло. И гром, как голос Ильи-Пророка, властно прогремел над домом. Одна из яблонь на глазах у Петра с треском раскололась надвое, обронив на землю мокрые насквозь тяжёлые ветви. Её погубило изобилие. Недозревшие яблоки россыпями раскатились по стриженной мокрой траве. Сгниют теперь.

И снова хлётко плеснул хвостом окунёк, и вновь наверху отозвалось раскатами. Казалось, что кто-то на небесах настойчиво требует свободы маленькой рыбки по имени Ваня.

Гроза, пригрозив дачникам всемирным потопом, улетела так же быстро, как и появилась. Солнце опять заблестело на мокрых крышах умытого дождём поселка, залило окрест-

ности смягчившимся предвечерним светом, наполнило людей радостью от хорошей летней погоды. Потянуло аппетитным дымком: кто-то из соседей затеял шашлыки. Пётр с сыном направились к пруду выпускать окунька.

Старый пруд обмелел, густо зарос ряской, кувшинками и всякой другой мелкой травой. Болото и болото. Дуремара только не хватает, зато пиявок наверняка вдосталь. Лишь небольшой участок водной поверхности возле сливной решетки в лесной ручей был свободен от растительности. Пахло стоячей водой и тиной.

Пётр покачал головой:

– Пруд-то зацвёл.

– Будем выпускать? – спросил сын. – Или в такую грязную воду нельзя?

– Можно. Окунь же не из аквариума – должен выжить. Если что, в ручей уйдёт, а из него и до реки доберётся, – и Пётр указал сыну на сток. Вода из заросшего пруда уходила туда спокойной журчащей струйкой.

– Выпускай, пап. Пусть он в ручей сначала, а потом в реку, – серьёзно сказал Пашка.

– Уверен?

– Да. Я знаю.

– Откуда?

– Просто я так хочу, – твёрдо произнёс Пашка. – Как я захочу, так и будет.

Пётр ухмыльнулся словам сына, спустился к воде, отвинтил крышку на баллоне и наклонил его так, что окунёк мгновенно выскользнул вместе с водой в пруд. Через секунду бывший улов махнул хвостом и исчез в глубине.

– Ну вот и всё, – подытожил Пётр, выливая остатки жидкости из баллона на землю.

– Пап, пап! Он ушёл, он ушёл! Я видел! – вдруг закричал Пашка, подпрыгивая и указывая пальцем на сливную решётку. – Вон там его красный хвост мелькнул!

– Правда? – не поверил Пётр.

– Истина! – неожиданно ответил Павел. – Пап, а давай на будущий год его в речке навес-тим? Вдруг увидим? У него уж, наверное, сыновья родятся.

– Ага, – иронично кивнул Пётр. – Одного назовут Каин, а второго Авель.

Пашка подумал, попробовал незнакомо звучащие имена на язык.

– Ну, – согласился он. – Можно и так.

Андрей Викторович МАКАРОВ

родился в 1976 году в Екатеринбурге.

Пишет прозу.

Автор романа «Дорога к Белому берегу» (2020),

который на конкурсе Минцифры Республики Коми

признан социально значимой литературой

для комплектации библиотечных фондов.

С 2007 года живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

